
БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992–1999 ГГ.)

УДК 02(091)

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-125-140>

Михаил Николаевич ГЛАЗКОВ,

доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук МГИК, академик Международной академии информатизации, почетный работник сферы образования РФ, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: mguci@mail.ru

Аннотация: В статье впервые в отечественном библиотековедении системно исследуется библиотечная политика указанного времени. Показаны основные тенденции в библиотечной деятельности 1990-х гг. Подробно изучен новый закон «О библиотечном деле в Российской Федерации» 1994 г. Сравниваются значимые положения российского и бывшего советского библиотечных законодательств. Отмечено заметное снижение финансирования библиотечной деятельности в стране. Приведены статистические данные по основным библиотечным показателям. Эти данные свидетельствовали о кризисе библиотечной отрасли. Показано сокращение библиотечных кадров. Рассмотрена история первых лет компьютеризации в библиотеках. Анализируются процессы внедрения в российское библиотечное дело западных ценностей и приоритетов. Даётся сводная оценка состояния библиотечной сферы в России в указанный период. В заключение делаются обобщающие выводы по теме исследования.

Ключевые слова: государственная библиотечная политика, история отечественного библиотечного дела.

Для цитирования: Глазков М.Н. Библиотечная политика в Российской Федерации в постсоветский период (1992–1999 гг.) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 125–140.
<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-125-140>

LIBRARY POLICY IN RUSSIAN FEDERATION IN POSTSOVIET PERIOD (1992–1999)

Mikhail N. Glazkov, DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Academician of International informatization academy, Honorary worker of RF education, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: mguci@mail.ru

Abstract: In article library policy of specified period systematically investigated for the first time. We show the main trends of library activity in 1990th. New Law «About librarianship in Russian Federation» is studied in detail. Significant provisions of Russian and ex-soviet library legislations are analyze. Decrease in funding of library activity was note. Statistical data are provides on the period under review. This data indicate the crisis of library area. Library staff reduction is shows. First computerization history years are review. The implementation processes of western values in Russian librarianship are analyze. The article gives consolidated assessment of librarianship state in Russia in specified period. Generalizing summary about research topic made in conclusion of the article.

Keywords: state library policy, history of native librarianship.

For citation: Glazkov M. N. Library policy in Russian federation in postsoviet period (1992–1999). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts.* 2023, no. 3 (50), pp. 125–140. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-125-140>

Спустя треть века, отечественное общество вполне осознало, что разрушение СССР стало не только геополитической, но и общекультурной трагедией. Собственно, кому-то это было понятно и в режиме «онлайн», еще накануне 1991 г. Но многие испытывали в то время некую эйфорию свободы и открывающихся личных перспектив, пусть даже в ущерб остальному населению и своей стране. Данный период называют сейчас «лихими девяностыми». Попробуем начать научное изучение истории библиотечного дела РФ последнего десятилетия ХХ в. Оговоримся, что нам придется часто опираться на собственные оценки, поскольку никаких актуальных публикаций, системно анализирующих библиотечную историю 1990-х гг., не существует.

Как мы отмечали [8, с. 266–283], уже в годы горбачевской перестройки проявились основные библиотечные тенденции постсоветской эпохи. Это, прежде всего, поступательное снижение финансирования и материального обеспечения библиотек, а также фактическое игнорирование правительством насущных потребностей библиотечного дела. По сравнению с последними годами советской власти, данные кризисные тенденции после 1991 г. только усилились.

Не менее важным по своим последствиям явился отказ от отечественных библиотечных приоритетов и ценностей и замена их на чуждые западные. Так, например, библиотеки в СССР справедливо считались воспитательными и социализирующими учреждениями, что закладывалось в государственную библиотечную политику и реализовывалось на практике.

В 1990-е гг. в РФ под предлогом деидеологизации и децентрализации, предоставления «большей самостоятельности» учреждениям культуры на местах, библиотеки все больше удаляют от выполнения воспитательных функций. Отметим, что «процесс» навязывался сверху, хотя «на земле» бывшие советские библиотекари пытались продолжать работать по прежнему. Однако теперь власть им не помогала, а, напротив, шельмовала как «ретроградов» и «противников инноваций».

В результате, роль «воспитателей» в обществе взяли на себя иные учреждения, оточных клубов и казино, до желтой и голубой прессы и т. п. Это явилось одним из последствий капитуляции советской идеологии при М. С. Горбачеве.

Переходя к рассмотрению собственно библиотечной политики, начнем с изменений в библиотечном законодательстве. Исходя из внутренней логики и интересов новой политической системы, была проведена соответствующая работа. К началу постсоветского периода в нашей стране формально существовало «Положение о библиотечном деле в СССР» от 13 марта 1984 г. [5; 15, с. 9–20] При некоторых недостатках, этот закон включил в себя все достижения эпохи социализма, имел целый ряд мировых передовых установлений, был ориентирован на благо советского народа. [7]

29 декабря 1994 г. издается новый Федеральный закон «О библиотечном деле». [17] Он был подписан президентом РФ Б. Н. Ельциным. Сравнение его с последним аналогичным документом советского времени весьма показательно.

В «Положении...» 1984 г. утверждалась «общедоступность и бесплатность библиотек», «плановое развитие» библиотечной сети и т. п. как основные принципы организации библиотечного дела в СССР (статья 4). Совокупный фонд государственных и библиотек общественных организаций объявлялся «социалистической собственностью» и охранялся государством. В то время подобные постулаты казались советским людям формальностью. Потребовалось 30 лет капитализма, чтобы народ осознал подлинные социально-экономические ценности.

В законе 1994 г. ничего не говорилось о совокупном библиотечном фонде как об общенародной собственности. Вместо этого, в нескольких статьях использовалась фраза «культурное достояние народов Российской Федерации», что юридически совсем не одно и то же. Перераспределение собственности, осуществлявшееся после разрушения СССР, охватило и библиотечную отрасль. Подчеркивалось, что «Права граждан в области библиотечного обслуживания приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных объединений, религиозных и других организаций» (статья 5, п. 3).

Напротив, «Положение...» 1984 г. закрепляло государственный характер библиотечного дела в Советском Союзе, приоритетную государственную заботу о библиотеках и их обязательном развитии, что должно закладываться «...в планах соответствующих министерств, государственных комитетов, ведомств, центральных органов общественных организаций» (статья 28). Надежное финансирование библиотек в СССР обеспечивалось ассигнованиями из государственного бюджета, а также из средств государственных предприятий и организаций, профсоюзов, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций, имеющих библиотеки (статья 29).

Ельцинский библиотечный закон предусматривал «невмешательство государства» в профессиональную деятельность библиотек, «за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (статья 14). Это явилось безусловной политической демагогией, ведь в других абзацах 14 и 15 статьях федеральным органам власти давались очень значительные полномочия для контроля над любыми библиотечными процессами.

Там же подчеркивалось, что «Не допускается государственная или иная цензура, ограничивающая право пользователей библиотек на свободный доступ к библиотечным фондам... Библиотеки, находящиеся на полном или частичном бюджетном финансировании, должны в своей деятельности отражать сложившееся в обществе идеологическое и политическое многообразие» (статья 12, п. 1, п. 2).

Особо отметим, принципиальную разницу в важнейшем вопросе платности библиотечного обслуживания. «Положение...» 1984 г. однозначно утверждало бесплатность пользования библиотеками (статья 4). В постсоветском же законе все было сформулировано хитрее: «Порядок доступа к фондам библиотек, перечень основных услуг и условия их предоставления библиотеками устанавливаются в соответствии с уставами библиотек, законодательством об охране государственной тайны и законодательством об обеспечении сохранности культурного достояния народов Российской Федерации» (статья 7, п. 2).

Однако в следующих статьях закона 1994 г. все становилось на свои места. В общедоступных библиотеках граждане «получили право» пользоваться разными видами услуг, «в том числе, платными, перечень которых определяется правилами пользования библиотекой» (статья 7, п. 4). При этом названные правила утверждаются библиотеками «по согласованию с учредителями» (статья 13, п. 2). Таким образом, не только разрешалось, но и законодательно провоцировалось широкое введение платного библиотечного обслуживания в стране.

Среди новых возможностей, которые получили библиотеки в РФ, было право «осуществлять хозяйственную деятельность в целях расширения перечня предоставляемых пользователям библиотек услуг и социально-творческого развития библиотек...» (статья 13, п. 5). Также любые библиотеки теперь могли «осуществлять в установленном порядке сотрудничество с библиотеками и иными учреждениями и организациями иностранных государств, в том числе вести международный книгообмен, вступать в установленном порядке в международные организации, участвовать в реализации международных библиотечных и иных программ» (статья 13, п. 9).

Еще одним существенным отличием двух анализируемых законов стало отношение к библиотечной системе страны. В «Положении...» 1984 г. целый ряд его статей посвящен именно построению единой централизованной

библиотечной системы Советского Союза. Так, в статье 10 утверждалось: «Библиотеки в СССР, независимо от подчиненности, составляют единую систему библиотек, объединенных общностью основных задач и принципов деятельности.» В эту единую систему вошли библиотеки Министерства культуры СССР, библиотеки союзной и республиканских Академий наук, библиотеки систем Министерства высшего и среднего специального образования, Министерства просвещения СССР, других министерств, государственных комитетов, ведомств, предприятий, учреждений, организаций, профессиональных союзов, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций и т. д.

В статье 11 отмечалось, что «Единая система библиотек организуется, развивается и функционирует на основе объединения библиотек в ведомственные (отраслевые) или межведомственные (межотраслевые) централизованные библиотечные системы, возглавляемые соответствующей центральной библиотекой». Внутри системы предусматривались централизованное комплектование фондов библиотек, централизованная обработка произведений печати, согласование профиля комплектования фондов, совместная организация научно-методической, справочно-библиографической и научно-исследовательской работы и использование технических средств, осуществление иных форм координации и кооперации деятельности библиотек, независимо от подчиненности.

Во главе единой системы была поставлена Государственная межведомственная библиотечная комиссия (статья 12). Она существовала при Министерстве культуры СССР, а ее председателем являлся сам союзный министр. На ГМБК возлагались рассмотрение основных направлений развития единой системы библиотек, координация деятельности министерств, госкомитетов, ведомств по руководству библиотечным делом, а также решение иных крупных вопросов в соответствии с Положением о Комиссии, «утверждаемым Советом Министров СССР». Подчеркивалось, что решения ГМБК являются обязательными для всех организаций, имеющих в своем ведении библиотеки.

Показательно, что в ельцинском законе о единой библиотечной системе, централизации библиотечной деятельности в стране не было сказано ни слова. Присутствовали лишь слова о «взаимоиспользовании ресурсов», «организации взаимодействия библиотек» (Глава IV, статья 19). Хотя никакого конкретного механизма взаимодействия прописано не было. Фактически провоцировалось усиление дезинтеграции в отрасли, произошел полный законодательный уход от соответствующих советских достижений.

Обращают на себя внимание популистские фразы закона 1994 г. Вообще, популизм и политическая демагогия стали типичными приметами рассматриваемого времени. Так, в статье 14 заявлялось, что «Государство поддерживает развитие библиотечного обслуживания наименее социально

и экономически защищенных слоев и групп населения (детей, юношества, инвалидов, пенсионеров, беженцев, безработных, жителей сельской местности, жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей»). Мы, очевидцы событий 1990-х гг., хорошо помним, в каких ужасных условиях оказались перечисленные категории граждан «свободной России». Мы знаем, как обрушилась, например, сеть сельских библиотек (подробнее см. ниже) и т. д.

Прямой издевкой звучали фрагменты закона о «гарантированном финансировании комплектования и обеспечения сохранности фондов государственных и муниципальных библиотек» со стороны органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления (статья 15, п. 2). Или чего стоит положение, по которому «Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления не вправе принимать решения и осуществлять действия, которые влекут ухудшение материально-технического обеспечения действующих библиотек, находящихся на бюджетном финансировании, их перевод в помещения, не соответствующие требованиям охраны труда, хранения библиотечных фондов и библиотечно-го обслуживания». Причем, решения указанных органов и их должностных лиц, «ущемляющие законные интересы библиотек и их пользователей», могли быть обжалованы «в судебном порядке»! (статья 15, п. 3).

Итак, библиотечное законодательство в РФ изменило свой вектор из социалистического и народного в сторону сугубо либерального. В этом контексте официальное установление правительством в 1996 г. нового «праздника» – «общероссийского Дня библиотек» (27 мая) [1, с. 159] представляется лицемерной, не подкрепленной действительной поддержкой акцией.

Характернейшая черта 1990-х гг. – недостаток финансирования государственных учреждений. Исключение составляли разве что государственные органы управления и СМИ, которые активно их поддерживали. Отсюда типичным явлением стало закрытие целого ряда библиотек, особенно в регионах, свертывание многих библиотечных проектов и направлений работы даже в крупнейших библиотеках, сокращение штата профильных специалистов и т. д.

На состояние библиотечной деятельности крайне отрицательно отразился начавшийся перевод библиотек с федерального на местные бюджеты, которые и так были скучны и не надежны. В середине 1990-х гг. Министерство культуры РФ отпускало средства на содержание только 9 библиотек федерального значения. [1, с. 142] Остальные библиотеки отдавались на откуп провинциальным бюджетам, то есть фактически обрекались на бедность, полунищету или закрытие.

Одновременно произошел обвал в области комплектования библиотек и книгораспространения в стране. Резко удорожалась стоимость печатной

продукции, снизилось количество изданных названий произведений печати. К середине рассматриваемого десятилетия их выпуск сократился в три раза! Поступление в библиотеки новой литературы уменьшилось с 59,4 млн экз. в 1990 г. до 25,1 млн экз. в 1996 г. [1, с. 142] Из 89 субъектов Российской Федерации 37 вообще не получали средств на комплектование библиотечных фондов! На парламентских слушаниях в Совете Федерации в апреле 1998 г. отмечалось, что до 80% российских изданий не попадают в региональные библиотеки. [14, с. 3–11]

Вообще, сократились все статистические параметры библиотечной деятельности. К 1998 г. в России насчитывалось чуть более 150 тыс. библиотек всех типов и видов (на начало «перестройки» в РСФСР их было 164,8 тыс.). Из них наиболее значимых для народа публичных / массовых библиотек – 52,9 тыс. (в 1990 г. – 62,2 тыс.). [13, с. 10–11, с. 14]

Их библиотечный фонд уменьшился с 1,2 млрд экз. в 1990 г. до 1,1 млрд экз. в 1997 г. Книговыдача соответственно с 1505,6 млн экз. до 1347,8 млн экз. Важнейший показатель охвата населения РФ библиотечным обслуживанием тоже снизился с 48,5% до 40,3%. [13, с. 10–11, с. 14] И это данные официальной статистики, которая в то время не вызывала доверия, пытаясь, исходя из установки властей, «приукрасить» бедственное положение в стране.

Особо следует отметить сокращение числа читателей в «самой читающей державе мира». Только за 5 лет с 1987 по 1992 гг. их отток из библиотек составил более 3 млн. [1, с. 142] Процесс продолжился и далее. Так, в 1990 г. в РФ насчитывалось 71,9 млн читателей общедоступных библиотек. А в 1997 г. уже только 59,3 млн. [1, с. 143], на 12,6 млн человек меньше! Учитывая, что именно для читателей существуют библиотечная политика и практика и сама Библиотека, данный факт очень красноречив.

В последние годы перестройки и в начале 1990-х гг. в России государственное финансирование стало отчасти замещаться деятельностью разных благотворительных фондов и структур. К примеру, в 1991 г. был образован относительно небольшой Библиотечный благотворительный фонд, учрежденный Московской библиотечной ассоциацией и рядом крупных московских библиотек. В РФ пришли и гораздо более богатые Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Фонд Форда и т. д. Кто-то считает их развертывание позитивным явлением для отечественной библиотечной сферы.

Действительно, с одной стороны, эти фонды выделяли некоторые суммы на реализацию библиотечных проектов в нашей стране. В условиях, когда высшая власть фактически бросила библиотеки на произвол судьбы, финансы, поступавшие от зарубежных «партнеров», подчас, представлялись спасительными. Однако совершенно ясно, что эти деньги давались не просто так, за них приходилось расплачиваться «учетом интересов» западных спонсоров, прочими сомнительными услугами.

Для нас очевидно, что российское библиотечное дело в итоге отдало Западу гораздо больше, чем получило от названных «дарителей». То есть, «благотворительные акции» оказались для них очень выгодным коммерческим проектом. Помимо того, они, пользуясь своим статусом в РФ, внедряли те самые западные ценности и в библиотечной, и в широкой идеологической сфере. Ждут своего документального подтверждения многочисленные утверждения наших современных политиков и публицистов о прямой связи «благодетельных» западных структур с их же спецслужбами, выполнении ими соответствующих заданий. Когда архивы ФСБ, наконец, будут открыты, мы, не сомневаюсь, узнаем интересные подробности «благотворительных операций», осуществлявшихся у нас зарубежными фондами в 1990-е и другие годы.

Возвращаясь к сокращению и закрытию множества библиотек, подчеркнем, что естественным образом увольнялись библиотечные работники. За семь лет сокращение кадров в общедоступных библиотеках РФ составило, по меньшей мере, 14 тыс. человек (с 142 тыс. в 1990 г. до 128 тыс. в 1997 г.). [1, с. 143]

Последнее обстоятельство стоит отметить отдельно. Сокращение персонала – всегда очень болезненный процесс. Приходится резать «по живому», фактически выбрасывая людей, нередко заслуженных и квалифицированных, на улицу. В Советском Союзе население слышало об ужасах безработицы и социальной невостребованности только в новостях из стран капитализма. Теперь мы на собственном опыте начали ощущать все свойства новой политico-экономической системы.

Причем, в Российской Федерации, в отличие от ведущих западных государств, не эффективно работали функции социальной защиты. Статистика тех лет зафиксировала рост числа самоубийств, смертей от алкогольной интоксикации, депрессивных заболеваний и т. п. [См. подробнее: 3, с. 707–714; 6, с. 142–144, 165–173; 9, с. 107, 116–117, 119] В «лучшем» случае уволенные квалифицированные сотрудники устраивались на работу сторожами, гардеробщиками, менеджерами по продажам в сюрреалистической корпорации «Гербалайф».

На упомянутых слушаниях в Совете Федерации РФ (24 апреля 1998 г.) звучали требования предусмотреть повышение заработной платы библиотекарей, подчеркивалось, что библиотечное дело нуждается в серьезном государственном протекционизме и т. п. Однако даже сами сенаторы вряд ли верили в реализацию подобных заявлений. Было признано, что само «государство не выполняет существующие библиотечные законы...». [1, с. 145]

Кадровая ситуация в библиотечном деле, естественно, негативно отражалась и на отечественном библиотечном образовании. В профессию приходило меньше талантливых и заинтересованных людей. Сильно упал престиж библиотечной работы, как и других созидаательных сфер чело-

веческой деятельности. Расширялось платное обучение, причем, за счет бюджетной составляющей, хотя в соответствующих заинтересованных министерствах это старались не афишировать и на словах опровергать. Средства массовой информации в режиме 24/7 пропагандировали новые жизненные ценности и приоритеты, главными из которых являлись уже не просвещение и служение Родине и народу, а крайний индивидуализм и заветные доллары.

Процесс библиотечного образования еще держался на советском профессорско-преподавательском составе. Наверное, в будущем многих из них справедливо назовут подвижниками. Именно они в 1990-е гг. смогли удержать профессиональное обучение на достойном уровне, несмотря на системный кризис в стране. Однако и здесь все больше проявлялись негативные следствия эпохи рынка. Часть преподавателей, особенно молодых, уходила в коммерческие структуры или иные лучше оплачиваемые отрасли. Кто-то уехал зарубеж в поисках более спокойной и сътой жизни. Трудно сосчитать человеческие потери, понесенные Россией с конца 1980-х и до настоящего времени.

Тем не менее, даже лучшие высококвалифицированные преподавательские кадры не могли полностью компенсировать слабую материально-техническую базу библиотечных вузов и техникумов. Резкое ухудшение оснащения их новым оборудованием, отсутствие персональных компьютеров и актуального программного обеспечения, заставляло педагогов многое объяснять студентам «на пальцах», что иногда походило на сюжет в стиле Н. В. Гоголя или М. М. Зощенко.

Между тем именно компьютеризация библиотечной деятельности являлась едва ли не главнейшим трендом 1990-х гг. в мире. Отставание в этой области вело к превращению нашей библиотечной сферы из недавно первенствующей во второразрядную. Но широкое внедрение компьютерных технологий в библиотеках в обязательном порядке требовало значительных финансовых средств и ресурсов, которых мы оказались лишены.

Кроме того, на мой взгляд, в течение ряда лет у большого числа российских библиотекарей имелась психологическая неготовность и даже неприятие компьютерных технологий. Такое явление регулярно случается в истории. Можно вспомнить, например, продвижение книгопечатания в России в XV–XVI вв., когда во многом именно человеческий фактор, религиозное сознание людей препятствовало распространению «бездушного» печатного станка, который должен был заменить классического монаха-переписчика.

Если в ту эпоху потребовалось более 100 лет, чтобы осознать неизбежность технологических преобразований, потребовались усилия многих выдающихся лиц, включая митрополита Макария и Ивана Федорова, то в 1990-е все совершилось, конечно, гораздо быстрее. Но даже несколько потерянных лет из-за человеческой предубежденности и психологических барьеров ста-

ли очень существенным негативным обстоятельством. Его можно было бы избежать, если бы в РФ сохранилась эффективная система массового повышения квалификации библиотекарей, с доступным разъяснением новых методологических проблем.

Тем не менее, постепенно библиотечная сфера России подключалась к позитивным мировым тенденциям. Выявились свои лидеры в освоении компьютерных технологий. Так, одним из первых здесь стал доктор педагогических наук, профессор МГИК В. В. Скворцов (1939–2005). В основном, новые технологии стали применяться в ведущих научных и некоторых крупных общедоступных библиотеках. Этого было явно недостаточно для такой страны как Россия.

Надо заметить, что особенно на первых порах определенную помощь в компьютеризации библиотек оказали зарубежные спонсоры. Разумеется, они делали это не бескорыстно. Компетентным людям известно, что оцифрованные (с помощью иностранных «благотворителей») наиболее ценные разделы фондов наших лучших библиотек затем «перекачивались» на Запад за символические деньги, а порой и бесплатно, во имя «общечеловеческих ценностей». Надо ли повторять, что информация, информационные ресурсы имеют стратегическое значение. Тот, кто владеет ими, владеет миром. Спонсоры приобретали и иные значимые преференции и возможности влияния.

Однако помимо прочего, внедрение новых технологий под кураторством Запада имело принципиальное идеологическое значение для библиотечной сферы РФ. В нашу библиотечную политику и образование стала жестко внедряться идеологема о главенстве информационной функции во всей библиотечной деятельности. Соответственно, вся она перестраивалась под новые интернациональные стандарты.

В реальной библиотечной жизни это часто означало, что российские библиотеки должны отказаться от того, в чем они превосходили западные аналоги: от просветительских и образовательно-воспитательных направлений деятельности. При этом всецело ориентироваться на информационно-библиотечные услуги, в чем мы по объективным обстоятельствам уступали ведущим зарубежным конкурентам. Многие отечественные достижения таким образом должны были самоликвидироваться. Все это осуществлялось под лозунгом включения обновленной России в «единую мировую библиотечную семью».

К сожалению, в данном направлении в 1990-х – 2000-х гг. многое было сделано. Это очевидно даже из смены названий вузовских библиотечных учебников. Вместо «Библиотечное обслуживание» – «Библиотечно-информационное обслуживание», вместо «Организация и управление библиотечным делом» – «Библиотечный менеджмент» и т. д. Конечно, образование нуждается в регулярной актуализации. Здесь важно соблюсти золотую середину между традициями и инновациями, при обязательном приоритете

собственных национально-государственных интересов. Увы, в рассматриваемое время простые истины оказались сознательно забыты и отброшены теми, кто курировал и направлял процесс. Ну а на средне-низовом уровне хватало тех, кто готов был ради карьеры, грантов, оплаченных загранкомандировок и иных подачек «работать по новому».

Всех поставленных целей на данном направлении властям РФ и западным кураторам и советникам достичь не удалось по нескольким причинам. Одна из важнейших – наличие созданной в СССР кадровой базы, в значительной части противостоявшей названным «обновленческим процессам». Что касается государственной библиотечной политики, она оказалась невнятной и противоречивой. Если отбросить популистские декларации, она фактически способствовала дезорганизации библиотечной отрасли.

Еще одной катастрофой 1990-х гг. стал демонтаж централизованной системы библиотек в стране. За все время существования советской власти ее ключевой отраслевой идеей было построение эффективной единой библиотечной сети. [8, с. 47–66, 229–250] Несмотря на серьезные проблемы и недоработки, создание централизованной библиотечной системы накануне «перестройки» подходило к завершению, что законодательно закрепило «Положение о библиотечном деле в СССР» 1984 г. Благодаря длительной соответствующей государственной работе, наша библиотечная сфера достигла выдающихся мировых рекордных статистических показателей. [2, с. 325–326; 12, с. 262–263]

После прихода команды М. С. Горбачева к власти эта работа сошла на нет. В 1990-е гг. стало активно разрушаться то, что уже было построено. Причем, удары наносились по системообразующим конструкциям. Так, новый Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29 декабря 1994 г., подписанный Б. Н. Ельциным [16], вводил систему как бесплатных, так и платных обязательных экземпляров. Многие библиотеки, раньше надежно снабжавшиеся согласно прежнему закону через госбюджет, утратили способность выкупать платные экземпляры. Появились и другие почти непреодолимые барьеры.

Ввиду взлета стоимости почтовых тарифов, обрушились показатели пересылки литературы по межбиблиотечному абонементу (МБА) [1, с. 143], – еще одному ключевому звену функционирования единой библиотечной сети страны. Сама система МБА оказалась на грани и даже за гранью разрушения.

Отметим общеполитический фактор, демонтировавший существовавшую библиотечную практику. В знаменитой речи президента РФ Б. Н. Ельцина, обращенной к региональным элитам, было недвусмысленно сказано: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!». Естественным следствием такого политического указания стал широкий рост сепаратизма в стране. Это неизбежно вело к ухудшению связей между библиотеками разных субъектов Федерации, игнорированию на местах общероссийских инициатив, своему самостоятельному «законотворчеству» и т. п.

Перестала согласовываться библиотечная деятельность не только разных субъектов РФ, но и разных ведомств. Напомню, что именно с ведомственной разобщенностью, дублированием и параллелизмом в работе библиотек долго боролись в СССР, считая эту проблему одной из первостепенных. Именно она приводила к большим излишним государственным тратам средств и ресурсов. [8, с. 229–250]

Теперь же всякая борьба осталась в прошлом. Быстро терялись конструктивные библиотечные связи и контакты не только между бывшими республиками СССР, ставшими суверенными государствами, не только между территориальными образованиями внутри России, но и между разными министерствами и ведомствами, имевшими собственные сети библиотек.

Все старались выживать в условиях дикого рынка самостоятельно, руководствовались лишь своими узковедомственными, местническими интересами. Оставались, конечно, несистемные личные контакты между директорами библиотек, библиотечными специалистами. Но этого было крайне мало для огромной страны. Едва ли не тотальная регионально-ведомственная разобщенность 1990-х гг., спровоцированная сверху, подрывала многие достижения советского библиотечного прошлого.

Выделим еще одну катастрофу – слом функционирования сети сельских библиотек. В силу своей специфики библиотеки на селе всегда являлись слабым звеном советской библиотечной системы, имели перманентный финансовый, книжный и кадровый дефицит. Одновременно они были очень значимым ее элементом. Ведь в сельской провинции проживало большинство населения страны. Их библиотечное обслуживание имело важное идеологическое значение. Развитие сельского хозяйства являлось наравне с промышленным производством первоочередной задачей, решение которой лежало и в области повышения уровня образования и культурного досуга сельских тружеников и т. д.

Разрушение системы книгораспространения в РФ, сокращение финансирования особенно сильно ударили по сельским библиотекам. Если в городах оставались какие-то возможности для выживания библиотек, то в сельской провинции ситуация была катастрофической. На нее накладывалось вынужденное бегство сельских жителей, прежде всего, молодежи в города. Работать в местных библиотеках часто становилось некому.

Любопытно, что если в рассматриваемый период межбиблиотечное взаимодействие внутри страны рушилось, то одновременно увеличивались международные библиотечные связи России, что, как правило, записывают в несомненные плюсы тех лет. Однако и здесь все было сложнее и неоднозначнее. Конечно, взаимодействие с ведущими библиотечными державами имело свои очевидные положительные стороны. Но еще в конце «перестройки» здравомыслящим людям стало очевидно, что международное сотрудничество происходит не на равноправной основе. СССР отдавал больше, чем получал от зарубежных стран.

Тем более, в постсоветский период данная тенденция только усилилась. Да, руководители библиотечного дела, часть специалистов и даже некоторые молодые кадры, студенты получили возможность участвовать в международных мероприятиях за счет принимающей стороны, стажироваться, воочию знакомиться с зарубежным библиотечным опытом, общаться и обмениваться информацией с иностранными коллегами. Это, безусловно, расширяло их интеллектуальный кругозор, повышало профессиональный уровень.

Но имелась и явная оборотная сторона. Даже не говорю сейчас о «подсаживании на гранты» и т. п. как на форму подкупа, выкачивания из специалиста тех знаний, которые были интересны грантодателям. Не говорю о молодежных стажировках как эффективном канале утечки мозгов и талантов из России. Не говорю о неравноценном обмене библиотечной литературой (документами), справочно-библиографической и фактографической информацией с западными «партнерами» и прочее, и прочее.

В целом, РФ в 1990-е вышла на международную арену не как самостоятельная держава с богатейшей историей и великими достижениями, а как слабый ученик, заискивающий перед иностранными учителями, доподлинно знающими, что и как надо делать. И нашу страну стали учить, какие библиотечные законы надо принимать, какие цели, задачи и функции должны выполнять библиотеки, как надо готовить библиотечные кадры и т. д.

Организованные в РФ разные библиотечные общественные объединения, по сути, принялись исполнять «рекомендации» ИФЛА (Международной Федерации библиотечных ассоциаций), базирующиеся на либеральных западных ценностях. Дело доходило до почти дословного копирования туземными структурами положений и регламентов ИФЛА, согласно которым должны работать российские библиотеки и библиотекари. Ведь этого требовала «единая мировая библиотечная семья»!

Одновременно ряд специалистов критиковали бывшую библиотечную систему СССР за крайнюю централизацию и регламентацию деятельности библиотек. Но почему-то отсутствовала критика наступившей жесткой международной глобализации, отрицавшей культурно-национальные особенности множества стран, ставших политическими, экономическими и культурными вассалами единственной сверхдержавы – США.

Ни в коем случае не хочу сказать, что вся деятельность российских библиотечных обществ и ассоциаций была бесполезной или даже вредной. Сам несколько лет в середине 1990-х гг. участвовал в работе Московской библиотечной ассоциации. Однако хорошая в принципе идея не дала серьезных положительных результатов. Библиотечные ассоциации не получили реальных полномочий и ресурсов, которые необходимы для эффективной деятельности. Рассчитывать же только на энтузиазм библиотечных активистов было не дальновидно, хотя им и удавалось что-то делать.

В рамках «международного сотрудничества» продолжился процесс, начатый в годы горбачевской «перестройки». Мы говорим о реституции перемещенных в результате Великой Отечественной войны библиотечных коллекций. [8, с. 280–281] Фактически реституция при Б. Н. Ельцине свелась к односторонней передаче Российской Федерацией уникальных библиотечных ресурсов Германии и некоторым другим странам.

Мы уже писали о законности вывоза в Советский Союз некоторых библиотечных фондов из гитлеровской Германии после Победы 1945 г., что было утверждено договоренностями великих держав на Ялтинской и Потсдамской международных конференциях. Перемещенные в Советский Союз коллекции явились справедливой, хотя далеко не полной, компенсацией гигантского ущерба, нанесенного агрессией Третьего Рейха против нашей родины. Еще раз следует напомнить, что военные потери совокупного советского библиотечного фонда составили по разным оценкам от 150 до 200 млн экз. В то же время в победивший СССР поступило из Германии около 8–10 млн экз. [10, с. 80, с. 119; 11, с. 4–120] Немалую часть из них уже безвозмездно отдали немецкой стороне при Н. С. Хрущеве и М. С. Горбачеве.

Поскольку реституция в 1990-е гг. стала вызывать все большее возмущение в нашем обществе, власти осуществляли выдачу культурных ценностей зарубежным «партнерам» без информирования в СМИ, что противоречило не только государственным интересам, но и «святым принципам демократии». Лишь в редких случаях об этом становилось известно общественности (например, большой скандал, связанный с передачей американским хасидам из Российской государственной библиотеки книжной коллекции Шнеерсона [18, с. 50–53; 4]).

К сожалению, против реституции в рассматриваемый период открыто выступили не представители государственной власти, облеченные соответствующими полномочиями, ресурсами и обязанностями, а отдельные неравнодушные лица. В библиотечной сфере одним из самых ярких и последовательных противников реституции стал доктор педагогических наук, в то время декан и проректор МГИК А. М. Мазурицкий.

Как он справедливо подчеркивал, «...тех, кто занимается этой проблемой у нас в стране, можно пересчитать по пальцам. Небольшой группе российских исследователей противостоят мощные научные центры, которые ведут активную работу по поиску данных об утраченных Германией культурных ценностях» [10, с. 128]. Известно, что система всегда сильнее одиночек. Многое в справедливом решении «трофейной проблемы», перекочевавшей в XXI столетие, продолжает зависеть от политической воли высшей власти.

Из относительно положительных явлений 1990-х гг. можно назвать официальное устранение цензуры, в частности, в библиотечной сфере. Собственно, «гласность» в СССР объявил еще М. С. Горбачев. Действительно, множеству читателей библиотек предоставлялись новые возможности для знакомства с самым широким спектром идей и духовно-интеллектуальных

достижений цивилизации. Специалисты, исследователи могли вести свободное изучение разнообразных вопросов, в том числе, «закрытых» при советской власти. Лично от себя скажу, что 80–90% трудов автора, вероятнее всего, не получили бы разрешение на публикацию при советской цензуре. Для творческого человека свобода творчества всегда имеет ключевое, первостепенное, жизненное значение.

Однако и тут необходимо сделать оговорки. После отмены цензуры в стране появилось немало недобросовестных авторов, публиковавших все, начиная от околонаучного бреда до прямо деструктивных сочинений. Одним из подобных жанров, кстати, стал перевод иностранных учебных материалов безо всякой адаптации к очень специфичным российским условиям. Появились учебные пособия с модными названиями (например, с популярными словами «менеджмент» или «маркетинг» в оглавлении) и т. п. произведения, скорее мешающие отечественному образовательному процессу.

Что касается массового читателя, то у многих от обилия новых идей, версий и гипотез, ставших доступными без цензуры, буквально «зависало» мировоззрение. Его никак нельзя было назвать цельным и научным. Обычные люди, которых в любой стране значительное большинство, просто терялись перед изобилием часто противоположных друг другу идей и утверждений. «Каша в головах» – одно из следствий тотального постсоветского бесцензура.

Дезориентация масс населения в политико-идеологическом и даже бытовом пространстве была на руку высшей власти, ломавшей советскую систему и возводившей на ее руинах дикий и, по сути, антинародный капитализм.

В заключение повторим основные выводы. Политика государства в указанный период свелась к заметному недофинансированию библиотечной отрасли. Ее насущные потребности игнорировались. Библиотечной теории и практике навязывались чуждые, не соответствующие нашим интересам, традициям и приоритетам западные ценности. Кризис обостряли ухудшение подготовки библиотечных кадров, «утечка» талантливых специалистов за рубеж. Мы потеряли часть ценных отраслевых ресурсов, под разными предлогами выводившихся на Запад. Произошел слом целого ряда позитивных советских достижений, что провоцировалось и закреплялось новым библиотечным законодательством.

Нельзя не признать неадекватность и деструктивность библиотечной политики, реализовавшейся в РФ в 1990-е гг. Исторический опыт тех лет учит нас, как не надо осуществлять руководство библиотечным делом. Данный период по своим разрушительным последствиям для библиотек вполне сопоставим с трагическими годами Великой Отечественной войны.

Но история учит и оптимизму. Даже после самых страшных смутных времен наша страна возрождалась, начиная созидательное творчество. И мы профессионально и идеологически должны быть лично готовы к Созиданию.

Список литературы

1. *Абрамов К. И. История библиотечного дела в России: учеб. пособие. Ч. 2. Москва: Либерея, 2001.* 160 с.
2. *Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. Москва: Книга, 1980.* 352 с.
3. *Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2004: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 2005.* 816 с.
4. Библиотека Шнеерсона // Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%A8%D0%BD%D0%B5%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0>
5. Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 12. Ст. 173.
6. *Герасимов Г. И. История России (1985–2008 годы): учеб. пособие. Москва: РИОР, 2022.* 315 с.
7. *Глазков М. Н. Последний системный документ советской эпохи // Культура: теория и практика. 2022. Вып.2. (март–апрель): URL: http://www.theoryofculture.ru*
8. *Глазков М. Н. Эволюция государственной библиотечной политики в Советскую эпоху (1917–1991 гг.): монография. Орел: Изд. «Орловский государственный институт культуры», 2022.* 288 с.
9. История России в новейшее время. 1985–2009 гг.: учебник / А. Б. Безбородов, Н. В. Елисеева [и др.]; отв. ред. А. Б. Безбородов. Москва: Проспект, 2014. 448 с.
10. *Мазурицкий А. М. Библиотеки в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие. Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2020.* 139 с.
11. *Мазурицкий А. М. Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии: в 2 ч. Ч. 1. Книжные потери в военные годы. Москва: МГУКИ, 2010.* 149 с.
12. Народное образование и культура в СССР. Стат. сборник. Москва: Финансы и статистика, 1989. 432 с.
13. Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах за 1998 год / Мин-во культуры РФ. Москва: ГИВЦ, 1999. 132 с.
14. Общедоступные государственные библиотеки Российской Федерации в 1995–1998 годах (Аналитический обзор). Москва: Главный информационно-вычислительный центр Мин-ва культуры РФ, 1999. 146 с.
15. Руководящие материалы по библиотечному делу: справочник. Москва: Книжная палата, 1988. 288 с.
16. Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 1.
17. Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 2.
18. *Хвостова С. Ю. Непростая судьба библиотеки Шнеерсона // Библиотековедение. 2013. № 4. С. 50–53.*